

ТЕМПОРОЛОГИЯ LEBENSNET. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Закаблукровский, Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, e-mail: e@zakablu.ru

Стремительное развитие сети Интернет приводит к некоторым изменениям в человеческом общении, в организации самой субъективности. Жизненный мир Сети обладает особыми антропологическими координатами, в которых обнаруживаются процессы стирания и воссоздания субъективности. Одним из основных моментов этого двойного процесса являются процессы стирания и переформатирования времени.

Ключевые слова: Интернет, жизненный мир, время, тело, субъективность.

TEMPOROLOGY OF LEBENSNET. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY ASPECT

E. V. Zakablukovskiy, Kozma Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University, e-mail: e@zakablu.ru

The rapid development of the Internet leads to some changes in human communication and in the organisation of subjectivity itself. Lebenswelt of the Network has special anthropological coordinates characterised by processes of erasure and reconstruction of subjectivity. Among the highlights of this dual process are processes of erasure and reformatting of time.

Key words: Internet, Lebenswelt, time, body, subjectivity.

Если попытаться решить проблему взаимного отношения «жизненного мира» (Lebenswelt) к виртуальной реальности (VR), перед нами возникает затруднение, отчасти игнорируемое Гуссерлем: есть ли в жизненном мире место технологии, или последняя неизбежно представляет собой разрыв с его «диким бытием»? Если есть, то где это место? А также в зависимости от ответа на последний вопрос: в какой степени Lebenswelt – именно жизненный (а не технологический, машинный) мир?

Гуссерль в качестве наиболее общей ситуации жизненного мира приводит пример: «перед нами вещь», давая в дальнейшем ее феноменологическую дескрипцию. Но что если эта вещь – монитор компьютера, подключенного к Сети? Или любая другая – техническая – вещь? Более того, что если представить себе ситуацию, в которой техническая вещь находится внутри – буквально вписана в нашу нервную систему – отсутствуя в горизонте

восприятия, но вместе с тем его определяя и организуя?

Наконец, как соотносятся феноменология и виртуалистика? Что представляет собой результат центральной феноменологической процедуры, эпохе, как не виртуализацию мира (порожденного «компьютером моей субъективности»)? Не являются ли первые узлы «интенциональных нитей, связывающих нас с миром» [14, с. 13] «минимальными событиями» виртуальности, о которых говорит С. С. Хоружий [19]? Правда ли, что «по существу, ситуация VR оказалась удачной иллюстрацией к основным положениям гуссерлевской феноменологии» [3]?

Какими бы не были ответы на эти вопросы, предварительно можно сказать, что не одной лишь только аналогии с гуссерлевским термином «жизненный мир», Lebenswelt [4], мы можем говорить о виртуальном «жизненном мире сети», Lebensnet. Задачей данной

статьи является дескрипция его временных параметров.

Существенной характеристикой жизненного мира Сети является необходимая процедура входа и выхода из него. Соответственно, темпоральное измерение, которое структурирует этот мир, является подключаемым. В кинематографической фантастике от «Газонокосильщика» до «Матрицы» наиболее проблематизирована проблема выхода: в первом случае герой киберпространства уходит в компьютерную вселенную, чтобы, находясь внутри, отказаться от выхода; во втором – выход затруднен тем, что подавляющее большинство людей изначально находятся в Матрице. На современном этапе развития технологии оба варианта все еще представляются невозможными: мы не можем как войти в Сеть и остаться в ней, заблокировав выход изнутри, так и «родиться в Сети», оставляя механизмы входа и выхода за скобками жизненного мира. Таким образом, ВР Сети представляет собой по отношению к базису жизненного мира – надстройку, отношения между базисом и надстройкой регулируются механизмом подключения и отключения.

Несмотря на часто встречающееся утверждение, согласно которому сегодня, благодаря техническим и социально-экономическим трансформациям, культурной доминантой становится пространство, а не время, мы будем настаивать на том, что решающей структурой, организующей функционирование Lebensnet, является темпоральность. Тому есть несколько оснований: во-первых, мы, проводя философско-антропологическое исследование, ориентируемся на человека, на субъект, который, с точки зрения феноменологической темпорологии, «есть время» (Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти), во-вторых, ссылки на «одновременность» (синхронию) не кажутся нам достаточным основанием для того, чтобы редуцировать временной аспект в пользу «вневременного» пространства. Еще Кант, критикуя концепцию времени Лейбница, указывал на то, что она оставляет без всякого внимания одновременность, считая, что синхрония – такой же модус времени как и диахрония; т. е. одновременное пространство ничуть не атемпорально.

Кроме того, пространственный акцент в интерпретации Сети разделяется далеко не всеми кибертеоретиками; так, Д. П. Барлоу пишет, что «Информация есть действие, которое занимает время, а не состояние бытия, которое занимает физическое пространство, как в случае материальных предметов. Это подача, а не мяч, танец, а не танцор»; и далее: «независимо от того, измеряется ли она гигабитами в секунду или словами в минуту, реальное декодирование является процессом, который происходит в уме и при помощи ума, процессом, протекающим во времени»; и, наконец, Барлоу провозглашает лаконичное: «Время заменяет пространство» [2]. Более того, именно близость во времени (стремящаяся к одновременности) является в виртуальном мире Сети решающим фактором в оценке качества информации: «Информационный продукт тем ценнее, чем ближе покупатель может поместить себя к моменту его производства, и ограничения здесь временные. Многие виды информации стремительно обесцениваются либо с течением времени, либо при воспроизводстве. Их применимость ослабевает с изменением территории, которую они картографируют. По мере удаления от точки, где информация была произведена, [в канале передачи] усиливается шум, а диапазон [сигнала] сужается» [2].

Отметим, что происходящие сегодня в поле темпоральности сдвиги по форме своей не уникальны: каждая новая эпоха производит (и представляет собой) своеобразную перезапись темпоральности – через производство того, что Кастельс называет «вневременным временем»: концепция времени христианского мира – «вневременное время» по отношению к Античности, темпоральная модель Нового времени – «вневременное время» по отношению к Средневековью и т. д. Более того, время, как отмечал Хайдеггер (и большинство философов-феноменологов), экстатично – оно всегда «вне себя» [18]. Процессы, которые привлекли внимание Кастельса, можно осмыслить именно как перезапись темпоральности, важным инструментом которой является современная техника в целом и Интернет в частности.

Итак, именно в это поле «смещенной темпоральности» вступает пользователь Сети, совершающий упомянутую выше процедуру входа-подключения. Последняя сопоставима с механизмом порождения ВР нового уровня: в качестве константной реальности в данном случае выступает условная «досетевая» субъективность и интерсубъективность со свойственными ей темпоральными структурами, в качестве порождаемой (виртуальной) реальности – реальность сетевой коммуникации, виртуальной интерсубъективности, с характерной для этого уровня темпоральностью. Таким образом, перед нами трехуровневая структура: досетевая темпоральность – переход – сетевая темпоральность. Соотношение трех этих уровней своеобразно: они надстраиваются один над другим, но не представляют собой линейной последовательности.

Важно придерживаться той точки зрения, согласно которой и досетевая (предположительно, константная) темпоральность жизненного мира, и сетевая темпоральность Lebensnet содержат в себе субуровни актуальности и виртуальности. В этой связи нам поможет концептуальный аппарат Жиля Делеза, описывающего актуально-виртуальное устройство времени нашего повседневного опыта: воспоминание в нем – «это не актуальный образ, который бы формировался на основании воспринятого объекта, но виртуальный образ, сосуществующий с актуальным восприятием объекта, воспоминание – это виртуальный образ, одновременный актуальному объекту» [6]. Делез выстраивает сложную систему соотношения актуальных и виртуальных множеств, состоящую из круговращений и кристаллизаций. Важным аспектом этой системы является то, что в ней происходит постоянный взаимообмен между актуальным объектом и виртуальным образом: они могут как излучать, так и поглощать друг друга. «Эту вечную взаимозамену виртуального и актуального определяет кристалл» [6]. Кристаллизация охватывает и подытоживает оба процесса: актуализации и виртуализации. При этом «различие виртуального и актуального соответствует наиболее фундаментальному расколу Времени, ког-

да оно длится, разделяясь по двум большим путям: давая пройти настоящему и удерживая прошлое... Два аспекта времени, актуальный образ настоящего, которое проходит, и виртуальный образ прошлого, которое удерживается... взаимно обмениваются в кристаллизации, пока не становятся неразличимыми, каждый заимствуя роль другого» [6].

Схема Делеза позволяет рассмотреть соотношение трех указанных выше уровней темпоральности в процессе их становления, делая акцент на переходе одной темпоральности в другую. В терминах Делеза этот переход может быть обозначен как вход в кристалл: в данном случае в кристалл сетевой интерсубъективной коммуникации. Важным аспектом этого входа является то, что, несмотря на отсутствие подавления различия между актуальным и виртуальным, они выступают в отношении взаимозаменяемости, актуальное становится трудно локализуемым, а виртуальное, актуализируясь, задействуется в процессе, результат которого не предопределен. Таким образом, «каждый вход в кристалл это одновременно и зародыш кристалла, и одна из его составляющих» [16].

Мы не можем рассматривать вход в сетевое время и само последнее как некоторые паразитарные образования на времени бытия-в-мире. Этот аспект пренебрежительно закреплен в наименовании явления «интернет-зависимость», которая как бы обкрадывает, поглощает время реальной жизни – подменяя его «виртуальной иллюзией». Виртуальный элемент досетевого кристалла времени задействуется при входе в кристалл сетевого времени, захватывая при этом и актуальный элемент досетевого времени; в свою очередь, «зародыш кристалла» сетевого времени может стать эпицентром обратного движения, «когда круги сужаются и виртуальное приближается к актуальному» [6] – результатом становится в той или иной мере успешное освоение нового поля кристаллизации, нового поля становления субъекта.

На фоне сказанного едва ли выглядит случайным то обстоятельство, что Маунэль Кастельс, говоря о несуществовании ги-

пертекста в качестве артефакта, связывает возможность его персонального вживления-интроспекции, а также последующего вырастания в полноценную интерсубъективность персональных гипертекстов – с «протоколом искусства». «В мире разбитых зеркал, состоящем из некоммуникабельных текстов, искусство способно стать... коммуникационным протоколом и инструментом социальной реконструкции. ... Искусство, во все большей степени превращающееся в некое смешанное выражение виртуального и физического материала, может стать основным культурным мостом между Сетью и личностью» [9, с. 232].

Таким образом, сетевое время, находясь в становлении, представляет собой ризоматическое образование, состоящее из сети темпоральных констелляций различного уровня. Человек, подключающийся к этой Сети, вносит в нее «свое время», оказывающееся в пределе перед перспективой глобальной синхронизации – вплоть до потери субъективной соотнесенности – в качестве одного из полюсов (на обыденном языке это можно обозначить так: человек попросту теряет свое время в Интернете), и до обретения новой площадки, нового структурного уровня для становления субъективности – в качестве другого полюса. Тяготение к одному из указанных полюсов задает динамику сетевой (виртуальной) темпоральности и зависит от творческого потенциала каждого отдельно взятого пользователя Сети.

Проводя философско-антропологическое изыскание, мы должны остановиться подробнее на возможных трудностях и даже опасностях процесса виртуальной перезаписи времени жизни, *Lebenszeit*, в условиях вхождения в Сеть. В этой связи Джарон Ланье указывает на разрыв между тем, что он называет «временем человеческого тела» и временем работы программы, ставя проблему синхронизации на новом уровне. Время тела основано на «непрерывных процессах ощущений, познания и моторики, которые должны быть точно синхронизированы во времени». Время работы программы / операционной системы (Ланье приводит в пример UNIX) основано на «дискретных событиях, которые не

обязаны происходить в точно заданные моменты времени» [13], здесь важность точной синхронизации подавляется. В результате – в условиях вхождения в кристалл – отсекаются некоторые слои времени тела: «UNIX... сильнее похож на пишущую машинку, чем на партнера в танце. ... UNIX “хочет” соединиться с реальностью так, будто реальность есть сеть быстрых машинок». Как музыкант Ланье утверждает, что именно для творческого процесса «философия UNIX оказалась... слишком нестабильной и неповоротливой». В условиях, когда UNIX «стал фоновой частью жизни» указанный зазор заполняется «странным напряжением, и интуицию заменяет нервозность. Это призрак UNIX, который все еще отказывается приспособливаться к ритмам моих тела и разума» [13]. Таким образом, возникает необходимость отметить, что вхождение в кристалл, виртуальная перезапись темпоральности, связаны с феноменом «стирания» (подавления) некоторых модусов актуальной, в данном случае – соматической, темпоральности.

Одним из таких стираемых и перезаписываемых модусов *Lebenszeit* является память. Эрик Дэвис в «Техногнозисе» назвал киберпространство «предельной ампутацией памяти» [7, с. 283]. Смысл этого словосочетания восходит к «Федру» Платона, в котором Сократ рассказывает историю египетского бога Тота, изобретателя письменности; демонстрируя новое искусство фараону, Тот пророчил, что оно сделает египтян «более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Однако египетский царь не соглашается с богом письменности, он указывает, что письменна «в души научившимся им... вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по сторонним признакам, а не изнутри, сами собою» (Федр, 274d-275a). Эрик Дэвис еще до введения метафоры ампутированной памяти говорит: «Человек был киборгом с самого начала» и: «Письмо – это машина». Это значит, что человеческая память сама по себе кибернетична, машинизирована, отчуждена. С этой точки зрения история культуры может быть

представлена как прогрессирующая виртуализация – «овнешнение внутреннего» [11, с. 63]: и через это его отчуждение – но и сохранение в новом машинизированном виде.

Ампутация (стирание и перезапись) структур памяти в сетевых сообществах своеобразна: она также подразумевает ее сохранение в новом технологическом облике памяти машинной (сетевой): различные заметки, фотографии, тексты, видеоролики, переписка, музыка – хранящиеся на многочисленных серверах. Например, все пользователи Facebook подключены к функции «Хроника» (Timeline), которая «должна помочь пользователям выбрать из своего архива самое главное. Это еще один важный шаг вперед на пути осмысленной структуризации информации в Интернете» (URL: <http://www.3dnews.ru/software-news/621658/>). Данный режим вывода данных профиля Facebook представляет собой шкалу времени, призванную отобразить в хронологическом порядке события в жизни пользователя с самого начала до текущего дня. Оставляя в стороне дискуссии вокруг этого нововведения, укажем на интересующий нас феномен ампутации памяти. Функция «Хроника» наглядно представляет собой очередной этап «овнешнения» памяти – процесса, начавшегося едва ли не на заре человеческой истории: элементарные метки на стенах пещер, шрамирование, рисунки, письменность. Таким образом, память становится и отчужденной и сохраненной одновременно. Отчужденной, так как сам человек может спокойно забыть о событиях хроники, может не придавать им значения, может никогда к ним не возвращаться, не вспоминать их. С другой стороны, они сохранены, независимо от того нужно это кому-то или нет. Как бы то ни было «Хроника» помнит вместо человека. Чья же это память? В любом случае, это память, которая видима и контролируема со стороны «хозяина хроники» – самого пользователя страницы Facebook. Ее можно корректировать, удаляя аспекты, которые пользователь не считает уместными.

Необходимо отметить, что у феномена ампутированной памяти в Сети есть еще одна, невидимая и лишь с трудом выявляемая сто-

рона. Она связана с тем, что Эли Паризер называет «пузырем фильтров» [15]. Технически это связано, с одной стороны, с так называемым персонализированным поиском, введенным с 4 декабря 2009 г. Google. С другой – с изначально персонализированным фильтром обновлений Facebook. Персонализация реализуется в рамках направления развития Сети Web 3.0 (SemanticWeb) – это виртуальная программная надстройка над Web 2.0, т. е. существующей Всемирной паутиной [10, с. 35]. SemanticWeb – это развивающаяся технология, которая предназначена для того, чтобы сделать размещенную в Сети информацию понятной для компьютеров. Две ее ключевые характеристики: первая – повсеместное использование URI – унифицированных идентификаторов ресурсов, т. е. адресов, которые используются, в отличие от Web 2.0, не только для установки ссылок, но и для именования объектов: свои URI в Web 3.0 имеют и страницы, и объекты константного мира (люди, вещи), и абстрактные понятия. Вторая характеристика – использование семантических сетей (использование стандарта RDF, описывающий семантические графы, в которых узлы и дуги имеют URI) и онтологий (с их помощью можно интерпретировать утверждения, кодируемые с использованием RDF, чтобы получать из них логические заключения). Как отмечает М. П. Концевой, Web 3.0 позволяет машинам «осуществлять семантический анализ и обработку сетевого контента и взаимодействовать между собой (без вмешательства человека) с целью предоставления пользователю окончательного результата», и, таким образом, человек «для решения многих своих задач “сможет обойтись без себя”» [10, с. 36]. Посмотрим, как этими технологиями преобразуется наша память и (само)идентификация.

С 2009 г. поиск Google учитывает индивидуальный профиль, складывающийся из прошлых поисков, содержания чатов и писем, постов и статусов, географического местоположения пользователя и т. д. (всего 57 сигналов). Эту же модель в той или иной мере разделяет сегодня множество других интернет-сервисов, выстраивающих контент в совокупность, зависящую от персонального по-

иска. Как отмечает Паризер, «они все больше потворствуют нашим вкусам. Монитор вашего компьютера быстро превращается в “зеркало-шпиона”»: оно отражает ваши интересы, но при этом наблюдающие за вами алгоритмы фиксируют, на что именно вы кликаете». Несмотря на то что фильтрация информации существовала всегда, он указывает на 3 оригинальные, совершенно новые характеристики пузыря фильтров. Во-первых, каждый конкретный пользователь в этом пузыре один. Во-вторых, пузырь, как мы отмечали, невидим – ведь даже Google утверждает, что не контролирует свои алгоритмы. В-третьих, попадание в пузырь, как правило, не является результатом свободного выбора: пользователь оказывается в нем автоматически. Складывается ситуация, когда отношения между нами и каждым отдельным сайтом больше не выстраиваются с нашим участием, а «сайты и сервисы за нашей спиной взаимодействуют друг с другом, создавая нам картину мира без нашего участия» [12].

Итак, в результате случайных или преднамеренных, осознанных или автоматических, значимых или мимолетных кликов, имевших место в прошлом, алгоритмы Google, ничего не забывающие, создают слепок нашего сетевого прошлого, в итоге определяющий тот индивидуальный облик, который приобретает для каждого из нас Lebensnet. Это своеобразная виртуальная «карма», прошлое, о существовании которого мы можем и не догадываться, но которое берет под все возрастающий контроль каждое наше будущее вхождение в Сеть. Можно сказать, что действия в Сети различными (для Google и Facebook, например) механизмами производят наших виртуальных веб-двойников, которые действительно живут своей, закрытой от нас и нам неподконтрольной, жизнью. Аврелий Августин в XI книге «Исповеди» описывал будущее как ожидаемое. Но не является ли скорее будущее тем, что, приходя, неизбежно расходится с нашими ожиданиями, удивляя и преподнося сюрпризы? Именно такое серендипное будущее оказывается в результате прогрессирующей персонализации Интернета под вопросом. Его поглощает ампу-

тированная, отчужденная от опыта память вычислительных облаков, машинная память о прошлых намерениях. Сеть возможных вариантов виртуального будущего вытягивается в линию: следование от пункта А к пункту В по одному неизменному маршруту.

Наиболее влиятельные фигуры интернет-бизнеса подтверждают, что в качестве «инвестированного будущего» фигурирует именно эта антропологическая модель. Так, исполнительный директор Facebook Шерил Сандберг заявляет, что через 3–5 лет сайт, не подстраивающийся под конкретного пользователя, будет казаться нелепым. Вице-президент Yahoo Тапан Бхат соглашается: «Будущее Интернета – в персонализации... теперь в центре Сети – “я”. Задача – переключить Интернет таким образом, чтобы он стал умным и “своим” для конкретного пользователя». Глава Google Эрик Шмидт с энтузиазмом рассказывает, что всегда хотел создать программу, которая «догадывается, что я пытаюсь напечатать». Сервис GoogleInstant, запущенный осенью 2010 г. и угадывающий, что вы ищете, по мере ввода букв, – лишь начало. Шмидт уверен: пользователи хотят, чтобы Google «подсказывал им, чем следует заняться дальше» [15, с. 18].

Подобная особенность работы Сети сопоставима со знакомой каждому из нас автоматизацией, например, функцией текстового редактора, которая предвосхищает наши желания. Облегчают ли они нам жизнь? Ведь часто (в условиях более наглядной ситуации набора текста) эти функции приводят к тому, что мы тратим еще больше усилий, чем в их отсутствие. Не стоит ли, скорее, за этим программным обеспечением идея, согласно которой «компьютер развивается в форму жизни, которая понимает людей лучше, чем они сами понимают себя» [13]? Экономика и политика персонализации оборачивается парадоксальной деперсонализацией: вводя субъекта сетевой коммуникации в поле действия исключительно «принципа удовольствия», конфигурация Сети складывается таким образом, что необходимое для истории субъекта «травматическое столкновение с Реальным» из нее вытесняется [8].

Удивительным образом футуристические предположения Александра Барда и Яна Зодерквиста о нетократии (правлящей элите информационного общества) сбываются: сам неологизм «нетократия» может быть прочитан как «власть самой Сети» («вычислительных облаков»), а не стоящих за ней людей-пользователей. Описание нетократов-кураторов, которые «выходят на трибуну со свежим, постоянно меняющимся текстом закона – много новых сетикетов для новых дивидуумов», может быть наложено на описание приведенных выше принципов действия пузырей фильтров. «Нетократы больше слушают, чем говорят; они общаются вежливо и тихо, избегая жестких команд. Нетократическая власть не есть власть принятия решений как таковых, поскольку в условиях плюрархии люди сами принимают решения. Нетократическая власть – это понимание того, каковы будут последствия альтернативных решений» [1, с. 192].

Ирина Кушнарера выделяет две основных модели антропологических последствий действия пузырей фильтров (в зависимости от различия стратегий Google и Facebook): «с одной стороны, бессознательный бихевиористский импринтинг, когда пользователь залипает в своих собственных сетевых движениях. С другой – нарциссическое инкапсулирование: он влюбляется в них как в сам язык коммуникации. Но обе они сходятся в том, что идентичность оказывается своеобразным “черным ящиком”, который, однако, крайне ценен и полезен для пользователя» [12]. Польза от действия этого «черного ящика» виртуальной памяти заключается в экономии времени: мы можем не терять его в поисках необходимого контента во все более и более широком море информации, нас ведет логика «вычислительных облаков», которым мы делегируем свое право выбора. Но не окажется ли так, что мы экономим на самом структурном моменте протенциальности пребывания в Сети? Не экономим ли мы на будущем – во имя бесконечного воспроизведения одного и того же прошлого?

С. С. Хоружий, делая набросок философского осмысления виртуальной темпорально-

сти, решительным образом противопоставляя «сверх-время» события трансцендирования (например, мистического опыта) и «суб-время» ВР: это последнее, «недо-время», характеризуется у него отсутствием либо некоторых элементов сознания времени (здесь он следует Гуссерлю), либо каких-то моментов акта связывания этих элементов в непрерывную длительность. В виртуальном времени отсутствуют «активно-деятельностные, сознательно-творческие и ценностно-связывающие компоненты». Таким образом, он продолжает мыслить виртуальность в ее темпоральном аспекте как нечто негативное, как отсутствие присутствия [19]. Однако продуктивнее было бы видеть в измерении виртуального аналог феноменологической редукции, позволяющей войти в сферу смыслопорождения (Гуссерль, Мерло-Понти) или становления (Делез). В конце 1990-х гг. Жижек писал о том, что связанный с новым витком развития виртуализации переходный момент дает нам те преимущества в осмыслении виртуального, которых будут лишены мыслители, вынужденные в недалеком будущем воспринимать их уже как свершившееся, как данность. То же самое можно сказать и о нынешней ситуации: технологии Web 3.0, вычислительные облака и пузыри фильтров представляют собой еще только прорисовывающуюся конфигурацию виртуального. Да, мы можем непосредственно наблюдать работу этих быстро становящихся привычными технологий по стиранию «элементов непрерывности» обыденного временного континуума: субъективное время растягивается, сжимается, рвется и заново сшивается, проходя через машину виртуальных фильтров. То, что в психологии называется «туннелем реальности» [17] – граница между хаосом неизвестного и порядком известного, смещается в сторону первого. Как указывает С. Дацюк: «создание компьютерных сетей всего лишь позволило нам увидеть этот фундаментальный принцип реальности» [5], принцип, который заключается в том, что наш опыт, наш «туннель реальности» (пере)форматируется в сфере виртуального.

Список литературы

1. *Бард А.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
2. *Барлоу Д. П.* Декларация независимости киберпространства. URL: <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm>
3. *Говорунов А. В.* Человек в ситуации виртуальной реальности. URL: <http://anthropology.ru/texts/govorun/virt.html>
4. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 387 с.
5. *Дацюк С.* Ноу-хау виртуальных технологий. URL: http://www.uis.kiev.ua/~_xyz/vir_tech.rus.html
6. *Делез Ж.* Актуальное и виртуальное. URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>
7. *Дэвис Э.* Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
8. *Жижек С.* Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди! URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_12.htm
9. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
10. *Концевой М. П.* SemanticWeb в категориальном поле виртуальности // Генезис категории виртуальная реальность: материалы Международной научной конференции (25–26 июня 2010 г.). Саранск: Тип. «Рузаевский печатник», 2010. 116 с. С. 33–37.
11. *Кузнецов М. М.* Виртуальная реальность – техногенный факт или сетевой феномен? // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М.: Проросс-Традиция, 2004. С. 62–90.
12. *Кушнарёва И.* Фильтруя базар. URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/Themes/Fil-truya-bazar>
13. *Ланье Дж.* Вы не гаджет. М: Астрель, 2011. 320 с.
14. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 608 с.
15. *Паризер Э.* За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от нас? М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
16. *Подорога Ю.* Комментарий к переводу Ж. Делез «Актуальное и виртуальное». URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>
17. *Уилсон Р. А.* Психология эволюции. Киев: Янус, 1999. 304 с.
18. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 452 с.
19. *Хоружий С. С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/chor.htm>

References

1. *Bard A.* Netokratiya. Novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma / A. Bard, Ya. Zoderkvist. SPb.: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004. 252 s.
2. *Barlou D. P.* Deklaratsiya nezavisimosti kiberprostranstva. URL: <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm>
3. *Govorunov A. V.* Chelovek v situatsii virtual'noy real'nosti. URL: <http://anthropology.ru/texts/govorun/virt.html>
4. *Gusserl' E.* Krizis yevropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. SPb.: Vladimir Dal', 2004. 387 s.
5. *Datsyuk S.* Nou-khau virtual'nykh tekhnologiy. URL: http://www.uis.kiev.ua/~_xyz/vir_tech.rus.html
6. *Delez Zh.* Aktual'noe i virtual'noe. URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>
7. *Devis E.* Tekhnognozis. Mif, magiya i mistitsizm v informatsionnyu epokhu. Yekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2008. 480 s.
8. *Zhizhek S.* Oboydemsya bez seksa, ved' my zhe post-lyudi! URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_12.htm
9. *Kastel's M.* Galaktika Internet: Razмышleniya ob Internete, biznese i obshchestve. Yekaterinburg: U-Faktoriya (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 2004. 328 s.

10. *Kontsevoy M. P.* SemanticWeb v kategorial'nom pole virtual'nosti // Genezis kategorii virtual'naya real'nost': materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (25–26 iyunya 2010 g.). Saransk: Tip. «Ruzaevskiy pechatnik», 2010. 116 s. S. 33–37.
11. *Kuznetsov M. M.* Virtual'naya real'nost' – tekhnogennyi fakt ili setevoy fenomen? // *Virtualistika: ekzistentsial'nye i epistemologicheskie aspekty*. M.: Proress-Traditsiya, 2004. S. 62–90.
12. *Kushnareva I.* Fil'truya bazar. URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/Themes/Fil-truya-bazar>
13. *Lan'ye Dzh.* Vy ne gadzhet. M: Astrel', 2011. 320 s.
14. *Merlo-Ponti M.* Fenomenologiya vospriyatiya. SPb.: Yuventa, Nauka, 1999. 608 s.
15. *Parizer E.* Za stenoy fil'trov. Chto Internet skryvaet ot nas? M.: Al'pina Biznes Buks, 2012. 304 s.
16. *Podoroga Yu.* Kommentariy k perevodu Zh. Delez «Aktual'noe i virtual'noe». URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>
17. *Uilson R. A.* Psikhologiya evolyutsii. Kiev: Yanus, 1999. 304 s.
18. *Khaydegger M.* Bytie i vremya. SPb.: Nauka, 2006. 452 s.
19. *Khoruzhiy S. S.* Rod ili nedorod? Zаметki k ontologii virtual'nosti. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/chor.htm>